

Возврат: из ревертуара было выложено 21 тысяча рубликов авторства в 19 иностранных.

Наибольшее количество спектаклей пришлось на долю человека из пяти—464. Далее следуют: А. Талстой—231, Искитин—228, Горский—191, Гуртович—120, Шенстер—94, Грабедова—69, Прушак—52, М. Андреев—47, В. Наварин—Дачинко—38, Пайт—27, А. Гаврилин—27, Чариков—27, А. Талстой—25, Островский—20, Ярилин—16.

Наибольшее число представлений выдержал «Царь Велюра» — 172, человек имени проща: «Дядя Валя»—143, «Три сестры»—102, «Винный сад»—94, «Навоза»—64, «Чайка»—61.

Рассказы

Письмо во редакцию.

М. г., редактор!

За внимание, оказанное московскому Художественному театру во дни его десятилетия, предки отарасил, но штри сыла, благодарит особым письменным образом акт театру, художника, глумя и отдавая язык.

Но особенно известно язык, адреса которых театру неизвестны.

Позвольте через посредство нашей уважаемой газеты передать акты язык языка благодарности театра за представления как в 14 октября артистам.

Н. С. Станиславский.

Вл. И. Мамарович-Дачинко.

18 октября, 1906 г.

Русские слова

Господам Художественному театру.

Обла! Горькая, явную непужная обла! Насел ее всей России, иль, язык, самому себя, Художественный театр.

Во дни на Груднички, из гробу, усмиренного дрябля, земля Лесков!

Делает ли и к этому прибавить что-нибудь еще, чтобы вы, любящие искусство, любящие талант, почувствовали такую тоску, которая все вокруг дьяблет крачком, непужными, бездьяблится?

Къ высшему дому нельзя было про-

тиснуться; возли него, у подъяла, па дряблени, кь середней, кь кончатка,—была смешная масса людей. Рукте глаза были сухи и не красны. Очки серженная слезы, другие плакали, многие похулились рыдали.

И все шла, чтобы из последний раз посмотреть на дорогое лицо, отдавое такмъ свободным, такмъ отрадно-сплошным...

— Что, Александру Павлович, правда, какъ горюю, какъ радостно полюбить друга—шодны гордымъ, знатнымъ своеюство, презраннымъ дупа прервте кь закучата...

«Словоный» - оловный... Помогайтмй... Даже какъ будто бы радостный. Но кь сказать: сколько же отъ вырвез за последние время. Какъ не обрадоваться отмыку...

Шла жюна. Целовали руку. Пылали... Много людей. Артисты, художники, писатели, просто люди...

И яя одного изъ артистовъ Художественного театра! Она не захотела: они не могли: она готовилась кь предьявлю, кь вывозу. Черезъ два часа жьк должны были чествовать...

Я какъ-то ничего не понимал. Когда же это они уйдяи разукты «Смелость? И слышу:

Хоти сыжна еще изъ васъ пометь смерти Гамлета-король, языкъ догостю брату; Хоти изъ души толжны бы имъ скоробить, И Дания вылезла бы одна; Скоробить языкъ: но языкъ расудокъ сыбтанны

Приводу обидитъ, я, испрошана Кичину брата съ мудромъ толгой, Мы жькитъ съ тьмъ собою не забываем... Да, и знаю, и великодушно знаю, что непужничко говорить на правдытмъ то, что говорю я,—что дьяблет съ отмыкъ непужничкомъ Гамлета, который не хочеть, не умееть отбьчати испрошанью правдыи.

— Художественный театр не могъ: яя промивши сыблался депутатъ.

Им... а разьк свадьбу безо выскета прьичитъ отирадновалы тетчась вылезъ за похоронны? О, жьк,— Хожество, другъ Горацио, хожество! Отъ похоронныхъ свироговъ отсталю Хожество на свадьбыи обьк...

Впроче, тутъ жьк и похоронныи широговъ не готовили... и о жькитъ не можеть быть расшорну, и е испрошанныи башмачкы... Несоредотнотню: Во то время, когда отъ земитъ изъ гробу.

— Сыблался депутатъ.

— Кого прислали депутатъи? Тьк, кому вьтъ дьял до Гелубы? Которые не знають, что такое Лесков! Тьк, что же съ ними сыбтался?

А если они знають Лескова,—ым

обидите жьк не отвалюи отъ чествованья, а чествованьяи. Приблала распьтаться, не у языкъ скорби, также, впроче горе. Блазнитесь не языкъ, подраваля,—помощитесь пралу нашего Леронга старшого брата, послачато жькитъ съ нами...

А они правдуитъ. Побойдись обидитъ депутатю.

Отчего вы не побойдись обидитъ Лескова?

Все отъ жюна, что захотелся у языкъ изъ гостяи,—вьдъ жьк жькото не дьял, а такъ, жьк явочекъ Лескова.

Вы отвали у Лескова театральну Москову.

Вы, которые съ нами чество, отвали последние прощанье съ тьмъ, кто уже вьтъ съ нами...

— Они могли не итти кь языкъ.

— Вы думаете,—это легко? Вы думаете,—многие, думая то, что я думамъ, скажутъ языкъ это?

Люди очень прьичны. Они слишкомъ прьичны.

Они непужничко прьичны. Вы не отмыкитъ прьичны,—и они подили кь языкъ: не всякжъ же согласится устраивати демонстрацию на правдытмъ, жьк все такъ прьично, пышно, богато.

Подукайтъ, калякя честь быть на балу у Челюка!

Когда несчастные артисты Малого театра должны были играть сейчась же послъ того, какъ не стало жьк Лескова,—это было тяжело, не понятъ: они рыли, они—кнопные. Ужры у каждаго жьк вьтъ языкъ, языкъ, любимый ребенокъ,—они должны забавлять публику; но когда Художественный театръ испрошанье своей правдыи,—это и тяжело, и непужно.

Одинъ вьдъ день, одинъ языкъ толжны девъ! Жьк узнали языкъ Москвы, уже можеть правдытвать.

Неужель нельзя было перетерпѣти одного дня?

О, какъ бы много выматрлы мы отмыкъ одинжъ-двумя днями!

СЕРГЕЙ АБЛОНОЗСКИЙ.

„У врат царства“.

(Вчерашний спектакль).

Художественный театр ставил трилогию Гамсуна о Карено не в том порядке, как она написана.

Она начала с середины, с «Драмы жизни», а вчера вернулся к началу, к прологу, как называется сама акция «У врат царства».

Части одного дѣла, эти две пьесы написаны въ различныхъ масштабахъ. И по разному приходится ихъ ставить.

Во «Вратахъ царства» Художественный театр — строгій реалистъ. Постановка — приблизительно какъ въ чеховскихъ пьесахъ, съ которыми у «Вратъ» есть родное. Задумчивая простота и тихая поэзія, такова главная черта. И она была отлично передана во вчерашнемъ спектаклѣ.

На этотъ фонѣ выступаютъ три крушныя фигуры. Карено, Злины и Ферена. со сложною душевною жизнью. Герметъ схематичное, не такъ многогранное, но требуетъ отъ актера очень большой силы темперамента и выразительности. Г. Леонидовъ лишь отчасти удовлетворялъ этимъ требованіямъ. Данный имъ образъ оставляетъ впечатлѣніе нѣсколько смутное.

Злины допускаетъ нѣсколько сценическихъ комментариевъ. Можно по разному окрашивать ее полуху, и не такъ, какъ это дѣлаетъ г-жа Лилия. Но свое пониманіе и свой художественный замыселъ она выполняетъ въ совершенствѣ съ полнотою переживанія, и со всѣмъ блескомъ истиннаго виртуоза сцены.

Г. Качаловъ, при большомъ богатствѣ и большой правдѣ всего явъ изображаемаго образа, ярко, сильно выделяетъ нѣсколько моментовъ и оставляетъ для глубокой сцѣды во впечатлѣніи зрителя.

Спектакль имѣлъ несомнѣнный успѣхъ: но «Врата» не могутъ быть отнесены по мѣрѣ успѣха, къ самымъ боевымъ спектаклямъ Художественнаго театра. Чувствуя, что дѣло въ зрительной затѣ связано не совсѣмъ. Отчасти не позволили этого и нѣкоторыя особенности самой пьесы, отчасти — некоторая грубость спектакля, есpecially — его вниманія и на важнѣйшихъ деталяхъ «Вратъ».

Росмерсхольмъ

(Вчерашний спектакль).

Всегда бываетъ грустно, когда приходится констатировать, что большая усердная, художественно-честная работа

которой мѣсяцы была занята цѣлая группа даровитыхъ людей, дала лишь малые, скучные результаты.

Кажется, что, когда говоришь такъ, несправедливъ къ труду. Но не сказать — быть несправедливымъ къ результатамъ и неискреннимъ съ собой.

Приходится продумать первое. На постановку и исполненіе «Росмерсхольма» затрачено много вниманія, вдумчивости, ума, вкуса. Все продумано, проанализировано, предусмотрено, учтено.

Все въ этой значительной, хотя и сухой ибсеновской драмѣ, прокомментировано съ рѣдкой тщательностью. Но не благословило вдохновеніе этотъ большой, коллективный трудъ, не осыпало его своими трепетными крылами, не вылило скелетъ жизнью.

И зрительная зала внимательно, но хладнокровно прослужала пьесу, ни разу не взволнованнѣе, не обогрѣвнѣе въ жаркой волнѣ чувствъ.

По началу казалось, что это будетъ прекрасный спектакль, такъ проста и такъ смѣла постановка «въ одной сцѣнѣ», сброшенная со сцены все пѣтушьее загроможденіе. Такъ живописна и стиль-

на, по первому впечатлѣнію, Ребекка и г-жа Книпперъ, такъ благороденъ Росмеръ г. Качалова, локонный обликъ на Мицковича, такъ своеобразенъ Кроль г. Луцкаго, вѣдомѣйшія чертами лица молодого Бисмарка.

Но первая впечатлѣнія, или надежды на впечатлѣніе такъ и остались, не получивъ развитія и углубленія. Вся постановка рассчитана на силу внутреннихъ переживаній. Вотъ посажены вы, актеры, передъ зрителемъ удобно и уютно, лицомъ къ лицу съ нимъ. Удалено все, что могло бы, хотя нѣсколько, отвлечь отъ васъ вниманіе, отъ жизни вашихъ сердецъ. Раскройте же се. Но сердца молчали и не выжили прелесть и заразительности своей жизни въ слова диалоговъ. И такъ, въ душевной тѣмотѣ проходили лучшія, самыя сильныя сцены.

И были диссонансы, потому что г. Качаловъ старался играть очень ужъ просто, какъ-то безразлично, часто и такъ, гдѣ Росмеръ подходитъ къ послѣднимъ главамъ душевной трагедіи, къ крайнимъ крушеніямъ. А г-жа Книпперъ играла очень ужъ форсированно, поровъ съ приемами самой обобщенной театральнаго условности, вѣтливо подчеркнутую мимику.

Тисаровъ